

— Надолго къ маменькѣ?—спросила вдругъ одна изъ танцовщицъ, гораздо смѣлѣе, чѣмъ можно бы ожидать, высокимъ, молодымъ дѣвичьимъ голосомъ.

Это „къ маменькѣ“ заставило Зину податься назадъ и сдѣлать чуть примѣтный жестъ головой вбокъ.

— Да вотъ какъ муженекъ... — отвѣтила за нее мать и протянула къ ней кисть правой руки.

И этотъ жестъ отразился болѣзненно на Зинѣ. Она даже полужакрыла глаза...

Обѣ гости переглянулись; онѣ поняли сами, что нужно оставить мать съ дочерью однѣхъ.

Все прошедшее Распивиной имъ прекрасно было извѣстно. Онѣ даже вмѣстѣ вышли изъ школы и въ одной компаніи тогдашней молодежи отыскали каждая своего „душенскаго“. На ихъ глазахъ прошла вся „служба Милочки“, какъ они звали Распивину, да и теперь еще зовутъ иногда... Помнили онѣ, когда родилась Зина, и какъ изъ-за нея же вышелъ окончательный разрывъ Милочки съ ея „чадушкой“; онѣ уже тогда проигрался и прокутился почти „въ дрызгъ“, и Милочка требовала, чтобы онѣ обезпечилъ чѣмъ-нибудь дочь, грозила ему, что она его броситъ.—Помнили онѣ и то, что эту Зину—ей еще года не было — „Мартышка“ (такъ онѣ звали ея отца, даже и въ глаза) укралъ дочь у матери, увезъ ее къ двоюродной сестрѣ, а та—съ собой за границу; какъ Милочка убивалась, какъ „чудесный“ адъютантъ Нетопырцевъ — состоялъ при дивизионномъ генералѣ, потомъ перешелъ въ полицію и давно страдалъ по Милочкѣ—утѣшилъ ее, и все забылъ, и устроилъ... И жила она, какъ въ раю, цѣлыхъ девять лѣтъ, не транжирила, даже капиталецъ скопила, дѣти были тоже, только не жили; — Нетопырцева ударъ постигъ. Милочка заболѣла, потеряла „элевацию“, въ Крымъ ее возили, на службѣ состояла уже только въ корифеяхъ. Однако, и тогда еще сошлась съ хорошимъ человѣкомъ изъ комиссаріатскихъ, почти въ чинѣ полковника.—Этотъ былъ живучѣе, да подъ судъ угодилъ; кажется, и Милочкиныхъ денегъ перепало, когда его судили. Пришлось адвокатовъ нанимать... Кое-что у нея, однако, осталось... Здоровье-то совсѣмъ ушло: ноги отнялись и въ сердцѣ нашли ожирѣнье... Вотъ тогда она и начала тосковать по дочери, и Мартышку ей стало жаль — онѣ сумасшедшимъ былъ, да оправился; однако, когда получилъ наслѣдство — сказывали: милліонъ! — ничего ей не далъ, только хвалился, что можетъ ее озолотить; но Милочка свое достоинство